

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

CLIVE BARKER

BOOKS OF BLOOD
I – III

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ
I – III

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО:

СЕРГЕЙ КАРПОВ,
НИКОЛАЙ КУДРЯВЦЕВ,
МАРИЯ ГАЛИНА,
ДАРЬЯ СЕРГЕЕВА,
МАРИЯ АКИМОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Б25

Серия «Легенды хоррора»

Clive Barker
BOOKS OF BLOOD
VOLUMES I – III

Books of Blood Volumes 1-3 first published in omnibus edition
in 1998 by Sphere Books.

Печатается с разрешения издательства Little,
Brown Book Group Limited
и литературного агентства Nova Littera.

Перевод с английского: *Сергей Карпов, Николай Кудрявцев,*
Мария Галина, Дарья Сергеева, Мария Акимова

В оформлении использована иллюстрация *Сергея Неживясова*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

© 1984, 1988, 1998 by Clive Barker
© Сергей Карпов, перевод, 2020
© Николай Кудрявцев, перевод, 2020
© Мария Галина, перевод, 2020
© Дарья Сергеева, перевод, 2020
© Мария Акимова, перевод, 2020
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Каждый человек — это книга крови.
Мы все алые, когда открыты.*

ВСТУПЛЕНИЕ

В Хеллоуин я получаю больше приглашений, чем в любое другое время года. Колледжи хотят, чтобы я провел лекции по истории хоррора, глянцево-журналы просят составить список десяти любимых фильмов ужасов, а ночные ток-шоу — экспромтом выдумать страшную историю. Когда моя писательская карьера только начиналась, — в 1984 году, с публикации этих трех книг, сейчас собранных под одной обложкой, — я радовался, что у меня есть возможность рассказать о своих работах. Но в последние годы, по мере того, как мои книги уходили все дальше и дальше от бескомпромиссно мрачных и жестоких историй, благодаря которым меня быстро заметили, я начал отказываться от большинства таких предложений. Мне не слишком приятно то, что меня считают «любителем ужасов», вытаскивают из заключения поговорить о Темной Стороне лишь в пору тыкв и баек у костра, тогда как страсти, что питают мои нынешние книги, остаются незамеченными. Я даже перестал выходить из дома на Хеллоуин, все эти вечеринки и гуляния стали вызывать у меня неловкость.

Тем не менее, в прошлом году я нарушил это правило. Мой любовник, Дэвид Армстронг, убедил меня, что парад на Хеллоуин здесь, в Лос-Анджелесе, — а в последнее время он стал настоящим событием — может решить те проблемы, которые преследовали меня в работе с последним романом. Мне надо лишь отложить ручку, выпить стопку водки и пойти с ним, сказал Дэвид. Я согласился, если только мне не придется носить костюм. Я буду наблюдать. Прекрасно, ответил он, его костюм будет настолько сложным, что хватит на двоих.

И это не было пустой похвальбой. Он начал свою трансформацию еще в середине дня. Она заняла шесть часов. И когда он закончил, то узнать его было невозможно. Он так переделал лицо, что оно напоминало хищную, рогатую морду горгульи, стало еще темнее того цвета, которым одарил его Господь. А внизу свисал хвост, который не посрамил бы и жеребца.

Лишь тогда, когда я начал делать заметки к этому вступлению, мне пришло в голову, что он выглядел так, словно сошел со страниц «Книг крови»: походил на существо, в котором сплелись воедино сексуальные эксцессы и демоническая элегантность, способное как трахнуть вас, так и вырвать вам сердце.

В десять-тридцать вечера мы пошли на бульвар. Стояла невероятно холодная ночь, но как только мы оказались в толпе, от огромного количества тел стало тепло. Десятки тысяч людей заполнили улицу, и многие из них были в изысканных костюмах. В цветастых коробках вышагивали куклы Кена и Барби; попадались дрег-квины всех мастей, от королев выпускного бала до вдов с Беверли-Хиллс; были тут стопроцентно американские убийцы с топорами, их накачанные стероидами тела

просвечивали сквозь окровавленные рваные футболки; маршировал небольшой отряд конфедератов, вооруженных и гордых собой; а инопланетян в скафандрах и с серебряной кожей оказалось столько, что их хватило бы на целый флот летающих тарелок. А кроме того вокруг ходили тысячи людей, которые просто купили маску на ночь, и они слонялись по улицам в костюмах своих любимых чудовищ, тут и там попадались монстры Франкенштейна (вместе со своими Невестами), Фредди Крюгеры, крюкорукие Кэндимены и даже парочка Пинхедов.

Встречались и демоны, но ни один даже отдаленно не походил на Дэвида, которого наперегонки подзывали разыграть сценку для очередного фотографа: Дэвид угрожал белокурой Лолите, хлестал кнутом татуированного панка в ошейнике с поводком, им восторгались, и его соблазняли парни, переодетые гламурными девушками. Но вот что любопытно: глядя на то, как мой монструозный спутник приковывал взгляды людей — как в них смешивались восторг и отвращение — я начал вспоминать о том, почему стал писателем ужасов много лет назад. Я хотел вызывать столь же смешанные чувства, я радовался этому; понимал, что слова на белых страницах ошарашивают людей так же, как сейчас необычная красота моего любовника; что я заставляю читателей задуматься о том, так ли жестко определена граница между их страхами и наслаждениями, насколько им представлялось.

Рассказ подобен капсуле времени. Он в точности фиксирует — и это нелегко понять, пока не пройдет довольно большой срок — детали того, как автор жил в тот момент, когда рождались эти слова. О романе такого не

скажешь; по крайней мере о романах, которые обычно пишу я, ведь они всегда склоняются к эпичности, а на их создание уходит год или даже больше. Первый черновик рассказа, беспримесный и насыщенный, можно сделать за пару дней. А длинный роман — это по сути целый каталог впечатлений, он даже может быть сконструирован так, чтобы вмещать в себя противоречия и двусмысленности.

И теперь я смотрю на эти истории почти как на фотографии, сделанные на вечеринках прошлого, вижу разнообразные знаки и приметы того, кем я был. Был? Да, был. Я смотрю на эти рассказы и думаю, что человек, написавший их, уже давно умер во мне. Когда я писал вступление к юбилейному десятому переизданию «Сотканного мира», то говорил о том же: человек, создавший ту книгу, уже не с нами. Он умер во мне, похоронен во мне. Мы — кладбища самих себя; мы ходим среди могил людей, которыми когда-то были. И если мы здоровы, то каждый наш день — праздник, День Мертвых, когда мы воздаем благодарности прожитым, ушедшим жизням; но если мы больны, тогда мы все время скорбим, оплакиваем прошлое и желаем, чтобы оно по-прежнему было с нами.

Перечитывая рассказы сейчас, я чувствую одновременно и то и другое. Часть той простой энергии, которая заставляла слова изливаться на бумагу — которая рождала меткие фразы и заставляла идеи петь, — ушла. Я уже очень давно потерял создателя этих историй. Он любил фильмы ужасов больше меня; надеялся на карьеру в Голливуде; он был веселее, увереннее в себе, его куда меньше смущали неудачи. Тогда я считал себя человеком, который управляет цирком, настоящим па-

ноптикумом, бьет в барабан, призывая публику поглазеть на мою коллекцию уродцев и зародышей в банках.

В последнее время эта сторона моей натуры стала куда сдержаннее. Я много зазывал, много барабанил, создал целый каталог крайностей и, наверное, слегка устал от такого шоу.

Прошло четырнадцать лет, и теперь довольно странно вновь увидеть этот карнавал. Оглядываясь назад, я понимаю, что мне несказанно повезло. Я пришел в то время, когда издательства еще рисковали с новыми авторами и короткой формой. Сейчас никому не известному писателю было бы практически невозможно опубликовать такой сборник, так как у рассказов куда меньше читателей, чем у романов; и мой первый редактор, Барбара Бут, оказалась достаточно смелой, отважилась взять в работу тексты, от которых других редакторов тошнило. Мне невероятно повезло снять фильм, первого «Восставшего из ада», вскоре после публикации, и его успех привлек новых читателей к моим рассказам, чего иначе не было бы.

Оглядываясь назад, я понимаю, насколько головокружительным было это время. Столько событий, на которые я лишь надеялся, о которых лишь мечтал, стали реальностью за очень короткий период. Мои книги опубликовали, они получили расположение некоторых критиков, монстр, которого я создал, смотрел с экранов кинотеатров по всему миру, люди хотели получить мой автограф, им были нужны мои мнения по самым разным поводам.

Теперь то время кажется таким далеким. Но я все еще могу хотя бы отчасти ощутить его вкус, если услышу ту или иную песню или же найду в рассказах отрывок, ко-

торый воскресит воспоминания о том, как я его писал. Перечитывая «Полночный поезд с мясом», я вспоминаю, как впервые один оказался в нью-йоркском метро: я тогда по ошибке уехал до самого конца линии, до темной и пустой станции. Читая «Новые убийства на улице Морг», мое посвящение величайшему писателю ужасов в мире, Эдгару Аллану По, я вспоминаю засыпанный снегом Париж, как мы с моим замечательным другом Биллом Генри, ныне покойным, заблудились в этом безмолвном городе, в котором, казалось, даже машины исчезли. Перечитывая «Сына целлулоида», я вижу мой родной Ливерпуль и побитый кинотеатр, где крутили старые картины; именно там я смотрел фильмы, которые в молодости питали мое воображение. «Глаза без лица» Франжу, невероятная «Женщина-демон», роскошный «Квайдан», визионерские работы Пазолини и делирии Феллини. Перечитывая «Ужас», я как будто возвращаюсь в свои студенческие годы, вспоминаю людей, которые послужили прообразом для героев этой истории (сомнительный способ отдать им должное, осмелюсь сказать, но такой они оставили след в моей душе).

Я понятия не имею, переживут ли эти рассказы ход времени; сомневаюсь, что какой-то писатель может знать это наверняка. Но они написаны, увековечены в камне, хорошо это или плохо, и пусть я хотел бы чуть лучше отшлифовать предложение там или выбросить тут, все эти истории до сих пор меня радуют. Думаю, на большее и не стоит надеяться; лишь на то, что твоя работа будет тебя радовать как во время ее создания, так и после.

Одно можно сказать определенно: интерес читателей к рассказам о гротескном и ужасающем — о призраках,

демонических одержимостях, об ужасной мести и отвратительных чудовищах — это по-прежнему совершенно здоровое свойство человека. Те, кто гулял под масками на бульваре Санта-Моника в прошлом октябре, не были извращенцами или злодеями; по большей части они были совершенно обыкновенными людьми и воспользовались возможностью выразить желание, которое обычно культура требует от нас подавлять. (И этому требованию я, как ни странно, аплодирую; ведь желания становятся только сильнее, когда их держат под замком). Но время от времени нам нужно прикасаться к тьме в собственных душах; это способ вновь установить связь с нашей первородной личностью, личностью, которая существовала еще до того, как мы научились формулировать слова, которая знает, что в мире есть как великий свет, так и великая тьма, и они не могут существовать друг без друга.

После создания этих рассказов я отправился в другие путешествия, и там меня больше занимали образы искупления, чем проклятия. В «Сотканном мире», в «Имаджике», в «Таинстве» и «Галили», даже в моей детской книге «Вечный похититель» образы боли и смерти уступили место свету и святости, а персонажи, воплощавшие зло, были повержены.

Но не в рассказах, которые последуют за этим вступлением. Здесь монстры торжествуют, иногда они трансформируют тех, к кому прикоснулись, так, что на это изменение можно посмотреть с оптимизмом, пусть и под определенным углом, но тем не менее чудовища выживают, чтобы нанести удар в следующий раз. Если же по какой-то случайности зло повержено, то оно зачастую уносит с собой и своих свидетелей, и своих жертв.

Я не думаю, что одна история несет в себе больше истины, чем другая; мудрость всех этих вымыслов — а может, и всей литературы — кроется в том воздействии, которое они оказывают на воображение самых разных людей. Потому я не считаю полезным оценивать эти сюжеты с моральной точки зрения, пытаться извлечь из них какие-то уроки, пусть, возможно, они там и есть. Хотя время от времени я и сам прибегаю к терминологии проповедников, эти рассказы — не проповеди для белой или черной мессы. Это путешествия; прогулки, если хотите, которые уводят нас от знакомых лиц туда, где все темнее и темнее, пока — где-то очень далеко от известного нам мира, — мы не окажемся в совершенно незнакомой компании, незнакомой нам самим.

Клайв Баркер
Лос-Анджелес, май 1998 года

БЛАГОДАРНОСТИ

Мои благодарности уходят к самым разным людям. Я благодарю своего учителя английского в Ливерпуле, Нормана Расселла, который поддерживал меня с самого начала; Пита Аткинса, Джули Блейк, Дага Брэдли и Оливера Паркера за то, что поддерживали меня потом; Джеймса Бёрра и Кэти Йорк — за добрый совет; Билла Генри — за профессионализм; Рэмси Кэмпбелла — за щедрость и энтузиазм; Мэри Роско — за кропотливый перевод моих иероглифов; Мари-Ноэль Дада — за то же самое; Вернона Конвея и Брина Ньютона — за Веру, Надежду и Милосердие; а также я благодарю Нэнн дю Сотой и Барбару Бут из издательства «Sphere Books».